

ВСТУПЛЕНИЕ

«Занимательное стихосложение» имеет целью познакомить с прикладными стихотворными формами любителей стихотворных шуток, курьезов, загадок, шарад, стихотворных игр и т. п.

В очень многих журналах и газетах находится постоянный специальный отдел такого стихотворчества. Он всегда имел и имеет постоянный же успех, и широкие слои публики оказывают ему внимание и участвуют в нем. Из этого можно заключить, что любителей подобного рода стихотворений имеется весьма много во всех возрастах. Но особенно такое стихотворчество привлекает детей школьного возраста и вообще молодежь. Очень многие из так называемых *petits jeux* (игр в собравшемся провести весело время обществе) основаны именно на шуточных и загадочных стихотворениях. Но не всем известно, что видов таких стихотворений очень много. Равным образом не все читатели упомянутых журнальных отделов знают отчетливо, в чем именно заключается суть такого-то и такого-то стихотворения с такими странными названиями, как например анаграмма, омоним, логогриф и т. п. Узнавать об их природе и построении приходится или ощупью, по самим журнальным образцам, или же по некоторым, и отдельным притом, указаниям в специальных книгах, в настоящее время совершенно вышедших из продажи. «Занимательное стихосложение» и стремится пополнить этот пробел, дав возможность и теоретически, и практически ознакомиться со всеми основными формами прикладного стихотворчества.

Само собою разумеется, что здесь речь идет только о прикладном искусстве, а не о поэзии как таковой. У поэзии — своя область и свои приверженцы. Но сочинять стихи на разные случаи жизни, зани-

маться искусством стихотворчества без всяких претензий, а лишь имея в виду прикладные цели: юмора, шутки, игры и т.д., любят очень многие. Вот для них-то и предназначается настоящая книжка.

Всякое искусство затрагивает разнообразнейшие стороны человеческой души. В своих высших проявлениях оно создает чисто эстетические ценности вне какой-либо определенной цели, помимо самого себя. Но в то же время известные элементы искусства проходят в повседневную, практическую жизнь, удовлетворяя ее специальным целям и намерениям. Так, музыка развивается своим путем, создавая новые красоты в своих творческих проявлениях, но, наряду с этим, элементарными основаниями служит и для прикладных целей. Так, вместе с симфониями, сонатами и т.п. музыка применяется и в военных маршах, и в танцах, и в шансонетках, причем сама музыка играет здесь лишь прикладную роль. В маршах ее назначение — облегчить тяжелый шаг солдат, возбудить их во время военных действий; в танцах — слиться с ритмическими движениями тела и т.д.

В поэзии точно так же выработалось немало прикладных форм, цель которых не сама поэзия, а назначение данной формы для какой-либо чисто житейской задачи, серьезной или шуточной. Такая внутренняя задача служит внешней формой прикладных поэтических произведений. Так, например, шарада имеет целью дать в стихотворной форме несколько загадочных вопросов, и расположение этих вопросов в стихе и составляет форму шарადы. Акrostих пишется так, чтобы все начальные буквы стихов давали вместе какое-либо слово, эта цель и составит основную форму акrostиха. Такой характер носят и все остальные формы прикладной поэзии.

Само собою разумеется, что для того, чтобы писать какие бы то ни было стихи, надо прежде всего уметь писать их, т.е. знать стихосложение вообще. Прикладными стихотворными формами занимаются преимущественно любители. Многие из них знают стихосложение, а у многих оно хромает. Поэтому в конце книжки помещена дополнительная глава, где в сжатой форме даны все основные сведения, необходимые для построения правильного стиха. Из нее всякий желающий может выучиться стихосложению, а всех пишущих любительские стихи мы просим прежде всего обратить внимание на выделенные в конце главы основные ошибки, совершаемые всеми «любителями» и вообще неопытными поэтами.

Хотя прикладная поэзия преследует не чисто художественную, а именно лишь прикладную цель, тем не менее во всяком самом незначительном стихотворении необходимо стремиться, чтобы оно представляло из себя прежде всего стихотворение, т.е. было бы написано грамотно с точки зрения стихосложения и заключало бы в себе хотя бы минимум художественности. Исполнить первое требование доступно всякому, ибо здесь нужны лишь специальные знания, а художественность, конечно, зависит и от личного таланта, и от общего эстетического развития данного лица. Как мы увидим из ниже приведенных примеров, прикладными формами и вообще стихотворными «пустячками» не гнушались и самые настоящие поэты. У них выходили премилые вещицы, цель которых была лишь прикладная, но в которых чувствовалось дыхание общей художественности.

Может явиться возражение, стоит ли уделять внимание развитию стихотворчества, именно стихотворчества, а не поэзии. На это можно ответить следующими соображениями. Всегда была поэзия, как высшая ценность человеческого духа, и всегда было стихотворчество, как одно из любимых занятий. Одно другому несколько не мешало и не мешает. И чистая, и прикладная поэзия вполне мирно уживаются вместе. Поэты рождаются. Сделаться поэтом нельзя. Писать же хотя бы «домашние» стихотворения могут очень и очень многие; они и пишут их, и любят это занятие, доставляя удовольствие и себе, и тесному кружку своих близких. Раз это делается без всяких особых претензий, то никакого вреда от такого стихотворчества ни для кого не получается и не может получиться. Если не всем доступна игра на рояле или на скрипке, то что же худого поиграть на балалайке или на гармонике?

Худо не это, не самый факт стихотворчества, а то, что «любители» упорно не хотят внести в свое творчество хотя бы тень специальных знаний. А между тем приобрести их, хотя бы в минимальной дозе, вовсе нетрудно и доступно каждому. К чему же оставаться невежественным дилетантом до седых волос и из года в год повторять ужасающие «любительские» ошибки против элементарных правил стихосложения?

Вообще надо заметить, что знание основ каждого искусства должно входить в программу правильного воспитания. Художниками, поэтами, музыкантами и т.д. становятся очень немногие,

для этого действительно надо родиться творцом, но знать основы искусства и уметь разбираться в нем должен был бы всякий. Таланты найдут свою дорогу и пойдут дальше, но для любого человека было бы в высшей степени полезно уметь грамотно нарисовать вот то-то и то-то, разобрать музыкальную пьесу и разбираться в музыке, уметь написать грамотное стихотворение и т.д. Полезно это было бы не только для общего эстетического развития, ибо даже самые элементарные эстетические основы, просто как известный род гармонии, действуют на человека благотворно и облагораживающе, но и для надлежащего понимания всей области искусства.

В области научного знания такая необходимость приобщения к нему широких кругов известна давно. Математиков, филологов, обществоведов, физиков и т.д. как специалистов не очень-то много, тем не менее знания по всем этим специальным областям даются всем учащимся, как одно из средств для их общего развития. Как было бы хорошо, если бы педагогика признала необходимость преподавания учащимся таких же сведений и в области искусства.

Наша книжка поможет приобрести известные знания любителям стихосложения и учащимся. Если она попадет в руки будущему поэту, то по ней он сможет получить некоторые сведения и определенный навык, которые пригодятся ему в будущем, когда он перейдет к высшим сторонам поэтического творчества и примется углублять и расширять свое развитие в области поэзии. Для любителей же она даст необходимые для прикладного стихотворчества знания и избавит их от дилетантских ошибок. Для всех же вообще она послужит специальным справочником.

Таковы цели, положенные в основу «Занимательного стихосложения».

Почему мы назвали книжку занимательным, а не прикладным стихосложением? Не спорим, что с равным успехом мы могли бы применить и последнее название. Но первое более психологично, и вот по какой причине. Поэзия есть искусство внутренних, душевных переживаний. Конечно, и всякое искусство имеет дело с эстетическими, т.е. душевными же переживаниями. Но в других искусствах важную роль играют сами предметы внешнего мира. Так, вне нас существуют статуи, дома, картины, музыкальные инструменты и т.д. В поэзии же и сами поэтические переживания, и образы, и продукты творчества не выходят из психической об-

ласти, из области мозга со всеми его сложнейшими душевными функциями. Поэтические образы берутся, правда, из внешнего мира, но это внешнее служит лишь материалом, а сами поэтически созданные образы остаются в пределах внутренних переживаний. Самое стихотворение, написанное или напечатанное, является предметом внешнего мира (бумага, письменные знаки и т. п.) лишь в том смысле, в котором для музыкального произведения служат ноты, а самое его существо принадлежит исключительно к душевным переживаниям, оставаясь всегда внутри нас. Но поэзия, как таковая, основана на разнообразнейших сторонах человеческой души. В нее входят и чувства, и эмоции, и ум, и что угодно, объединенные общим эстетическим началом. И вот из этой сокровищницы прикладная поэзия извлекает большею частью те начала, которые основаны на игре ума. За некоторыми исключениями, приближающимися к области чистой поэзии, вся остальная часть прикладных стихотворений вызвана умственными, а не поэтическими заданиями. Целый ряд прикладных форм основан на загадках и представляет собою не что иное, как загадки в стихах, другой цикл имеет главной целью остроумие, третья группа задается какой-нибудь специальной целью написать стихотворение такой-то определенной внешней формы и т. д. Многие из этих стихотворений могут быть применены, да и применяются, в качестве простой игры для развлечения в обществе. Все это — игра ума. А раз прикладное стихотворчество в своей главной части носит такой характер, то ясно, что оно предназначено для «занятых» целей ума, представляет собою вид особой умственной игры, наряду с другими обычными играми такого же свойства. Следовательно, к стихосложению, т. е. к теории такой прикладной поэзии, вполне применим тот термин «занимательного», который поставлен в название этой книги.

ГЛАВА I

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ И ИГРА РИФМ

В стихосложении большую роль играют так называемые *рифмы*, т.е. созвучные окончания слов. Рифма является и важным оформляющим элементом в стихе и особой его звуковой красотой. Такая же роль принадлежит и *ассонансу* — менее точному созвучию, чем рифма. Существуют и другие, чисто звуковые элементы стиха, которые придают ему или известную форму, или же особый колорит. Это определенные сочетания известных звуков, так называемая аллитерация, от лат. слова «литера» — буква.

Займемся теперь именно этими элементами, выделив их в особую группу и произведя несколько опытов, которые приведут нас к интересным и забавным результатам.

Если в стихе играют большую роль звуки речи, то отчего не воспользоваться ими для изображения какого-либо звукового явления в самой жизни, в природе? Из этого можно создать особое стихотворное развлечение, так называемое *звукоподражание*.

Стихи, слагаясь из ряда звуков человеческой речи, дают возможность для разнообразнейших звуковых комбинаций, в частности, таких, которые самими своими звуками напоминают какие-либо звуки в природе. Есть даже особые слова, так называемые *ономатопеэтические*, которые или буквально подражают звукам и явлениям природы, обозначаемым ими, или же выражают их условно. К первой группе принадлежат такие слова, как например *жужать*, *свистеть*, *свист*, *хруст*, *хрустеть*, *выть*, *вой* и т.п. Ко второй — условные: *ах!* *увы!* *ой, ой, ой!* *ай!* *ах!* *ха, ха, ха!* *хи, хи!* *динь, динь, динь!* и т.п., похожие на восклицания, издающиеся

людьми в соответствующих случаях или же на звуки известных предметов.

Но помимо таких особых слов, и при соединении обыкновенных могут получаться такие сочетания звуков, которые более или менее близко выразят какие-либо природные звуки.

В искусстве вообще можно подметить одно любопытное явление. Бывает иногда так, что какой-либо некрасивый и потому недопустимый прием в чистом искусстве становится не только допустимым, но даже и особо колоритным в прикладном. Это замечается и в поэзии. В стихах вообще необходимо избегать некрасивых, каких-либо свистящих, шипящих и т.п. созвучий. Странно было бы, если стих, объясняющийся в любви, был бы построен на свисте или на жужжании, или же стихотворение, изображающее вечерний покой, было бы полно рычащими звуками, преобладанием «р» и т.д. Когда это делается случайно, по недосмотру, то это ошибка в стихе. Но иногда ошибка в творчестве вообще может быть при особых условиях и при особом замысле превращена, наоборот, в достоинство. Такой случай мы имеем и сейчас. Какие-нибудь некрасивые и недопустимые в стихе сочетания звуков могут быть пущены в дело, как особый художественный прием в данном случае. Так обстоит дело и со звукоподражанием. Свистящие звуки некрасивы в стихе, как случайный недосмотр там, где их вовсе не нужно, но когда необходимо изобразить хотя бы свист ветра, они вводятся, как особый колоритный штрих, и приобретают уже художественное достоинство. Такие приемы часто встречаются и в самой серьезной поэзии.

Вот примеры:

1. В самом ритме стиха:

1) Вергилий для изображения медленности и неуклюжести движения великанов и циклопов дает следующий стих:

Illi inter sese magna vi brachia tollunt.

Иль интер сесе магна ви брахиа тольлюнт.

2) Быстрота конского бега так передается у Гёте:

Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?

Вер рэйтет зо шпет дурх нахт унд винд?

3) Тот же бег коня в стихотворении Леонида Семенова:

Мчались мы на конях.
Ветер рвал и метал,
В конских гривах играл,
Заливался в безлюдных полях.

4) И у Бальмонта:

Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои,
Ярки их гривы, вьются извивы, пламенны взрывы,
ржут в забыты...

5) Крылов следующим тягучим размером передает медленность движения тяжелого рыдвана:

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.

II. В звуках стиха:

1) Морской прибой передается путем начальной аллитерации следующим образом у Бальмонта:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн,
Близко буря, в берег бьется
Чуждый чарам черный челн.
Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

2) У Вергилия появление страшного циклопа Полифема изображается звуками так:

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum.
Монстр хорренд информ, ингенс, куй лумен адемптум.

3) У Тютчева грохот скал:

Кругом, как кимвалы, звучали скалы.

и буря:

Хлещет, свищет и ревет.

3) Свист змеи изображен так у Расина:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?

Пур ки сон се серпан ки сифле сюр во тэт?

4) Визг метели и рыканье льва передано так автором этой книжки:

а) Бедной няньке жалко пуха,
Мигом кинулась собирать
С визгом яростным старуха
Мошкары алмазной рать.

б) И ночь сойдет к своим владыкам,
Взметнут огонь мои глаза,
И громоносным горы рыком
Я потрясаю, как гроза.

5) У Сумарокова лягушки квакают так:

О как, о как нам к вам, к вам, боги, не гласить!

Таковы случаи применения звукоподражания, как отдельного художественного штриха в серьезной поэзии. Но если задаться целью изобразить ритмом стиха и звукоподражанием какое-нибудь явление специально, то может получиться интересное прикладное стихотворение и забавная стихотворная игра.

Пусть в юном или вообще веселом обществе предложат тему: написать стихотворение, изображающее звуками и всем остальным приближающийся поезд, трамвай, автомобиль, шум базара, оркестр, птичий двор, мельницу, лесные звуки и т.д. Тем здесь найдется очень много, и смеха над удачным стихотворением или над неудачным будет сколько угодно. Такую же забаву можно устроить и из игры рифм.

Игра рифм. Для такой игры необходимо придумать какое-либо слово, к которому очень трудно подобрать рифму или ассонанс. Чем труднее выбрано слово, тем больше получится почвы для находчивости и блеска остроумия. Обыкновенно такие рифмы к трудным словам состоят из соединения двух или нескольких слов. Приводим примеры такого рифмотворчества.

В свое время славился такими рифмами Д. Минаев. Вот его рифмы:

1) Мы танцевали vis à vis с ней;
С ней рядом ставший дипломат
Был всех людей мне ненавистней.

2) Женихи, носов не вестье,
Приходя к своей невесте.

3) Твоих стихов хоть и сильна
пахучесть,
Но общее забвение их участь.	4) В ресторане ел суп, сидя, я,
Суп был сладок, как субсидия.
5) И не знаю, как на вкус кого
Разный, ведь, есть вкус,
Но во имя блага русского
Я тружусь, тружусь.	6) Чу, звучит далекий колокол,
Пробуждая к жизни память!
Кот мой Васька молоко лакал
Я ж, проснувшись, стал клопа
мать.

М.Г. Ярон, остряк и экспромтист прошлого столетия, на заданную ему рифму «зелень» ответил:

Сегодня с самого утра,
Такая сильная жара,
Что и сверчку и стрекозе лень
Скакать и есть траву и зелень.

В недавнем прошлом пальма первенства в изобретении таких рифм принадлежала Н.Н. Вентцелю-Бенедикту. Примеры из его рифм:

1) Ты бранишь меня злующею
ведьмою,
Говоришь, что ломаю комедь
мою.	2) Внезапно рухнул? Он-то?
Он рухнул от отсутствия
ремонта.
3) Слышали бури свист они,
Оттого они так корявы.
Теперь в них, как в надежной
пристани,
Бросить можете якоря вы.	4) Я должна открывать людям
истину
И тянуть их усердно в гору...
Ну, а так я людей всегда вниз
тяну,
И за мной все идут без спору.

Ловким подбором рифм и ассонансов славится Владимир Маяковский. Вот некоторые примеры из него:

- 1) Бейте в площади бунтов топот!
.....
Мы разливом второго потопа
- 2) Нас ли сжалит пули оса?
.....
Наше золото — звенящие голоса
- 3) Громоздите за звуком звук вы
.....
Есть еще хорошие буквы.

- 4) Словесной не место кляузе
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
- 5) Вздывает британский лев вой
.....
Левой!
- 6) В старое ль станем паялиться?
.....
Пролетариата пальцы.

Если рифма до такой степени распространена в стихе, то охватывает собою в обеих строках по несколько слов, а ее названием будет *панторифма* (от греч. «все рифма»). Для ее построения нужна большая изобретательность.

Вот несколько панторифм:

- 1) Деньги есть, не найти поручителя только.
А пока что, ты мне поручи телят, Олька!
- 2) Пьяный сторож.
Он пьет с утра ведро мадеры.
Виной в потраве дромадеры.
- 3) Шагу не ступишь в этом пристанище.
Ну-ка ты к нам с балетом пристань еще.
- 4) Панторифмы Н.С. Гумилёва:
- а) Слышен свист и вой локобилей.
Дверь лингвисты войлоком обили.
- б) Возьми сей боб, натри иначе ты, Ревека,
Хватило чтоб на три и на четыре века.

Само собою разумеется, что и при звукоподражаниях, и при игре рифм стихотворения должны быть построены так, чтобы получились общая связь и смысл, в этих случаях преимущественно комический. В обществе кто-нибудь задает трудное слово. Услаиваются или на моментальный подбор рифмы вслух, или же каждому предоставляется возможность написать стихотворение с заданным словом и с подобранными к нему рифмами. Соответственно заданию (скорость, количество строк, особое остроумие и т.д.) и назначаются призы победителям по приговору или из

бранного жюри, или по количеству голосов. При игре в панторифмы предлагается придумать свободно стихотворение с ней, и победа достанется, конечно, тому, у кого, при наличии смысла, панторифма окажется длиннее.

ГЛАВА II

СТИХИ ЗАГАДОЧНОЙ ФОРМЫ

Как приятно подарить кому-нибудь в его табельный день — рождения, юбилея, свадьбы и вообще на память, — стихотворение собственного сочинения, да притом еще такое, которое относится именно к данному лицу, а ни к кому другому, и которое в самом себе включает доказательство своего предназначения исключительно этому лицу. Посвятить кому-либо своих стихотворений можно сколько угодно, но где гарантия, что то же стихотворение не будет посвящено или поднесено другому лицу? А между тем есть форма, таящая в себе бесспорное указание на то, что это стихотворение написано в честь данного лица, и никто другой присвоить себе эту честь уже не сможет. Такая таящая в самом себе доказательство собственности форма есть *акростих*.

Название этой формы происходит от греческого «акрос», т.е. «находящийся на краю» и «стих». Вот пример акростиха, принадлежащий Сергею Городецкому:

Кто когда бродил в тумане
Ночью, в холоде, во мгле,
Иль в людском земном обмане,
Гордо знает, что земле —
Альфа света, солнца, знаний?

Что за загадка? Поставлен вопрос, а ответа нет. Какой-то отрывок? Не может быть! Что же такое знает себе в утешение несчастный путник на земле? Да он уже сказал что: его ответ перед нами. Присмотримся внимательно к этим пяти строчкам. Начнем с того, что прежде всего бросается в глаза — с больших букв. К, Н, И, —

читаем мы сверху вниз, — и вот мы у цели. Загадки больше нет: свет на земле дает книга.

Таким образом это стихотворение имеет ту особенность, что в себе самом, в своей форме, таит кое-что скрытое от первого взгляда, и так как это скрытое помещается на краю стихотворения, то оно и называется по греческому прилагательному *акро*-стихом. Если поставить этими крайними буквами чье-либо имя, фамилию, любимое занятие человека и т. д., то тогда и получаются те приветственные стихотворения, о которых мы только что говорили. Вот пример акростиха с посвящением, заключающимся в нем самом:

АКРОСТИХ

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо,
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»
 Разящий меч готов на грозный бой,
 И зов трубы звучит неумоимо.
 Ютятся в тени, шипит непримиримо
 Бессильный хор врагов, презрен тобой.
Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!
Следи, казнясь, за подвигом открытым!
 О лет царя! Как яро прозвучала
 В годах, веках труба немолчной славы!
 У ног враги — безгласны и безглавы.

М. А. Кузмин

Видим по начальным буквам стихов, что этот акростих посвящен Валерию Брюсову. По форме он является сонетом, о сущности которого будет сказано после. Изобретателем акростиха-сонета был французский поэт XVI века Guillaume de Poetou, издавший образцы его в своей книге «La grande liesse en plus grand laveur» (1565 г.). Так как сонет есть высшая художественная форма, то мы можем заключить, что акростих вообще, как стихотворение может быть и вполне серьезным, и высокохудожественным. Прикладного будет в нем только то, что начальные буквы стихов должны при чтении сверху вниз (можно и снизу вверх) давать определенное имя или вообще слово, или слова. В случае акростиха-сонета такое избранное слово должно иметь 14 букв, так как сонет по своей форме состоит из 14 стихов.